

Н. И. НАДЕЖДИН

Об исторических трудах в России

...Мы, русские, нетерпеливы, ждать не любим, привыкли брать все приступом. Прежде нежели совершилась сотая доля приготовительных работ, требуемых Шлецером¹, явилась «История Российского Государства». Этот великолепный храм, воздвигнутый так внезапно прошедшему Руси, изумил настоящее и со славою перейдет в будущность. Призванный, обласканный высоким вниманием царя, художник работал из всех сил, употребил все свои способности и средства, положил лучшее время своей жизни, даже жизнь свою, при сооружении этого памятника, которого не дано было ему окончить. Его призвание было не историческое, еще менее критическое, в ученом смысле слова. Карамзин родился литератором, резчиком на языке. Он уже и трудился на этом поприще, которое указывала ему природа, уже действовал с блестящим успехом, создавая новый период в нашей литературе, который по справедливости носит его имя, как вдруг судьба открыла ему новое поле и перевела его на другую череду. Не приготовленный к этому новому служению, он, однако, понимал всю его важность, знал все его требования и обязанности. Многие, на его месте, отделались бы легче, удовольствовались бы риторическою переделкою и изящным парафразом летописей. Карамзин был добросовестен и благороден. Он признавал права критики и решился принести ей «жертву», которую сам называет тягостною, но необходимою, — решился посвятить себя «труду мелочному, в котором скучает ум, вянет воображение». Жертва великая для художника: самому ломать и обсекать материалы своего создания! Так Карамзин сделался критиком. Но если его бессмертное произведение составляет эпоху в нашей исторической литературе, оно не могло подвинуть вперед исторической нашей критики. Сочинитель «Истории Российского Государства» в своей крити-

ке был чистым шлецеристом, хотя иногда не соглашался с своим учителем в подробностях. Пока Шлецер мог служить ему и материальным руководителем, он шел твердою ногою. Но скоро он увидел себя одного в глухой и непроходимой чаще «удельного периода». Ни гептархия Английская², ни Меровингский³ период французской истории, ни сумятица феодальной Германии не представляли такого мрака, как эти главы нашего прошедшего. Имена Изяславов, Всеславов, Вячеславов мелькают китайскими тенями, рябят в глазах, так что нет возможности ни схватить их умом, ни удержать в памяти. Историк сам чувствовал это и утешал себя мыслью, что «история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно». Так, но неужели эти четыре века нашего существования были настоящим лесом? Те же самые имена, расположенные группами, по внутренней связи событий, а не по хронологии, могли бы составить картину верную и стройную. Когда историк вышел на чистое поле Московского царства, шаги его сделались опять тверже, взгляд сильнее, картина ярче и великолепнее. Совершенство великого творения в последних томах возрастает постепенно; но опять не относительно критики. В истории Иоанна Грозного⁴ два тома кажутся жизнеописаниями двух разных лиц, оттого что материалы для первого взяты из домашних источников, а для второго преимущественно из иноземных. Не столько противоречия, зато больше неопределенности, представляет колоссальный облик Годунова⁵ и фантастическая эпоха самозванцев. Все это происходило от безусловной доверенности ко всякого рода свидетельствам, несмотря на степень их достоверности, от следования духу одной экзегетической⁶ критики, сличающей и толкующей букву текстов. Тень великого мужа простит нам эти замечания, не ослабляющие нисколько глубокого уважения, которым обязан каждый русский к его имени. Подле этих несовершенств в творении его мы находим столько достоинств, сколько и не вправе были ожидать. Без предшественников, без помощников, один, силою труда, одушевленного святою любовью к отечеству, Карамзин заставил нас впервые прочесть свою историю на звучном языке, который сам для ней создал, и сверх того приготовил огромный запас сведений в своих драгоценных «Примечаниях», которые можно назвать библиотекою нашей древности. Это последнее с лихвою выкупает все недостатки.

